

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, августа 30-го.

Содержаніе: По вопросу о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками.—Благотворное вліяніе въ приходѣ образованной и христіански настроенной „магушки“ (продолженіе).—Церковно-богослужебная терминологія (продолженіе).

По вопросу о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками.

Всякій приходскій священникъ въ то же время можетъ быть и миссіонеромъ. Едвали во всей Россіи теперь найдется много такихъ приходоѡ, гдѣ бы не было надобности въ миссіонерской дѣятельности. Въ однихъ приходоѡхъ есть раскольники-старообрядцы, въ другихъ-различнаго рода сектанты рационалистическаго и мистическаго направленія, третьимъ грозить опасность со стороны тѣхъ или другихъ. Наконецъ, если какому-нибудь приходоу и не угрожаетъ непосредственная опасность, то такая опасность совершенно неожиданно

можетъ появиться, такъ что священникъ всегда долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ съ ней, если не желаетъ быть застигнутымъ врасплохъ. Само собой понятно, что священникъ-миссіонеръ долженъ обладать всеми необходимыми для этого нравственными качествами. Въ частности, въ приходѣ, населенномъ раскольниками (которыхъ собственно мы и имѣемъ въ виду въ настоящей замѣткѣ), не можетъ имѣть успѣха священникъ, позволяющій себѣ курить, пить вино, въ особенности еще, если онъ не стѣсняется дѣлать это открыто. Вообще, въ миссіонерскомъ дѣлѣ успѣхъ можетъ имѣть только „пастырь добрый, душу свою полагающій за овца“.

Какими же средствами въ борьбѣ съ расколомъ можетъ располагать священникъ, искренно желающій поработать на нивѣ Божіей? Мы имѣли уже случай высказаться (см. „Рук. для сельск. паст.“, 1894 г., № 42), что наиболѣе прочнымъ и надежнымъ средствомъ въ борьбѣ съ расколомъ считаемъ хорошо организованную церковно-приходскую школу. Только при помощи такой школы можно надѣяться воспитать подрастающее православное и раскольническое населеніе „въ духѣ Православной Церкви“, а при помощи школьныхъ библиотекъ противораскольническаго характера дѣйствовать въ томъ же духѣ и на взрослое населеніе. Поэтому, первымъ дѣломъ всякаго священника, въ приходѣ котораго есть раскольники, должна быть забота объ открытіи такой школы, если ея еще нѣтъ, и о наилучшей постановкѣ учебнаго дѣла, если она уже имѣется. Но, дѣйствуя при помощи школы, священникъ въ то же время не долженъ забывать и другихъ находящихся въ его распоряженіи средствъ. Такими средствами могутъ быть: а) богослужебная и внѣбогослужебная проповѣдь и б) частныя и публичныя собесѣдованія съ раскольниками.

Что касается богослужебныхъ и внѣбогослужебныхъ проповѣдей и собесѣдованій съ православными прихожанами съ цѣлью предохраненія ихъ отъ заразы расколомъ, а также частныхъ бесѣдъ священника съ раскольниками, то правиль-

ный взглядъ на несомнѣнную пользу ихъ настолько уже установился, что мы не считаемъ нужнымъ о нихъ распространяться и только сдѣлаемъ ниже нѣсколько замѣчаній о правильной постановкѣ ихъ. Другое дѣло—собесѣдованія публичныя. Хотя въ послѣднее время по епархіямъ учреждена должность епархіальнаго миссіонера, главную обязанность котораго составляетъ именно веденіе публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками, при чемъ ему въ этомъ дѣлѣ должны помогать окружные миссіонеры; хотя такія собесѣдованія ведутся преподавателями раскола, при участіи воспитанниковъ, при духовныхъ семинаріяхъ,—тѣмъ не менѣе вопросъ о степени полезности ихъ еще нельзя считать рѣшеннымъ окончательно. Возраженія противъ публичныхъ бесѣдъ проникаютъ даже въ печать. Имѣя это въ виду, а также желая дать посильный совѣтъ молодымъ пастырямъ, еще малоопытнымъ въ борьбѣ съ расколомъ, мы и рѣшаемся высказать нѣсколько соображеній о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками въ увѣренности, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ борьба съ расколомъ, всякое слово, основанное на личномъ опытѣ, не можетъ быть совершенно бесполезно.

Говорятъ: „публичныя бесѣды съ раскольниками, какъ показываетъ опытъ, не даютъ—и не могутъ дать—никакихъ положительныхъ результатовъ. Если послѣ нихъ и бывають присоединенія въ православіе, то очень рѣдкія, единичныя и притомъ являющіяся слѣдствіемъ не бесѣдъ, а дѣятельности приходскихъ пастырей—безвѣстныхъ миссіонеровъ“. Это возраженіе на первый взглядъ можетъ показаться весьма основательнымъ, такъ какъ дѣйствительно случаи, когда раскольники послѣ публичныхъ бесѣдъ заявляютъ о своемъ желаніи присоединиться къ православію, очень рѣдки и притомъ относятся болѣею частію, если не исключительно, къ тѣмъ изъ раскольниковъ, которые уже раньше были поколеблены въ расколѣ какими бы то ни было причинами—воздѣйствіемъ ли приходскаго священника, чтеніемъ ли противораскольническихъ книгъ, вліяніемъ ли школы, родственниковъ друзей

и т. под. Публичные бесѣды для подобнаго рода раскольниковъ являются не причиною, а только поводомъ къ обнаруженію своихъ настоящихъ убѣжденій и притомъ нерѣдко—съ заранѣе опредѣленною цѣлью: открытымъ объясненіемъ ложности раскола подѣйствовать на своихъ коснѣющихъ въ заблужденіи собратьевъ. Но, не смотря на свою кажущуюся основательность, вышеприведенное возраженіе нисколько не говоритъ противъ пользы публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками. Оно, очевидно, предполагаетъ, что присоединенія къ православію должны составлять *единственный* плодъ мисіонерскихъ бесѣдъ, и что этотъ плодъ долженъ непременно обнаруживаться *тотчасъ же* послѣ этихъ бесѣдъ.—Но, во-первыхъ, расколъ вовсе не такое явленіе, чтобы отъ борьбы съ нимъ можно было ожидать скорыхъ и осязательныхъ плодовъ; а во-вторыхъ, публичныя собесѣдованія несомнѣнно уже дали и даютъ положительные плоды, хотя, можетъ быть, и не столь осязательные, какъ единичныя присоединенія къ православію, тѣмъ не менѣе несомнѣнные и гораздо болѣе существенные и желательные—тѣмъ вліяніемъ, которое они оказываютъ на раскольниковъ въ его цѣломъ составѣ. Не требуя отъ публичныхъ бесѣдъ быстрыхъ послѣдствій, въ видѣ единичныхъ присоединеній, мы находили бы уже и то крупнымъ успѣхомъ, если бы онѣ сколько-нибудь способствовали расшатыванію раскола, колебали бы и подрывали его основы, заставляли бы раскольниковъ оглянуться на самихъ себя и обратить вниманіе на Православную Церковь, познакомиться съ ея вѣроученіемъ, поразмыслить—дѣйствительно ли въ ней нѣтъ ничего добраго, дѣйствительно ли она—царство антихриста, какъ привыкъ думать о ней каждый раскольникъ. Этихъ же цѣлей, думается, публичныя бесѣды, не смотря на свое недавнее появленіе, мало-по-малу достигаютъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ достигать, и въ этомъ мы видимъ полное право ихъ на существованіе. Какъ оффиціальныя, такъ и неоффиціальныя свѣдѣнія за послѣднее время единогласно утверждаютъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ,

гдѣ публичныя бесѣды съ раскольниками имѣютъ за собой болѣе или менѣе продолжительное прошлое, раскольники далеко уже не такъ фанатичны по отношенію къ Православной Церкви, какъ тамъ, гдѣ эти бесѣды еще только начинаются.

Кромѣ двухвѣковыхъ преданій, расколъ крѣпко держится еще усиліями своихъ вожаковъ, изъ которыхъ многіе поддерживаютъ его изъ слѣпой религіозной ревности, а другіе—просто изъ матеріальныхъ расчетовъ, находя болѣе выгоднымъ для себя держать раскольниковъ въ темнотѣ, невѣжествѣ и предубѣжденіи противъ Православной Церкви. Для послѣдней цѣли вожаки раскола прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ, придумываютъ о православіи тысячи нелѣпныхъ басенъ; а простодушный раскольникъ имъ слѣпо вѣритъ, потому что ему говорятъ не отъ своего лица, а якобы „отъ Божественнаго Писанія“. Уронить такихъ вожаковъ въ глазахъ слѣпыхъ раскольниковъ, показать народу, что на самомъ дѣлѣ „отъ Божественнаго Писанія“ они противъ Православной Церкви сказать ничего не могутъ, что, наоборотъ, „Божественное Писаніе“ вездѣ обличаетъ расколъ и его незаконныхъ вождей, можно только публичными собесѣдованіями. Наконецъ, публичныя собесѣдованія съ раскольниками важны не только какъ средство воздѣйствія на этихъ послѣднихъ, но и какъ средство предохраненія православныхъ отъ совращенія въ расколъ. Если послѣдней цѣли отчасти должны достигать противораскольническія проповѣди и чтенія, устраиваемыя священникомъ исключительно для православныхъ, то публичныя собесѣдованія съ раскольниками служатъ весьма полезнымъ дополненіемъ къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, на публичныхъ собесѣдованіяхъ православные слышатъ не только то, чему учитъ Православная Церковь о расколѣ, но и возраженія самихъ раскольниковъ, и воочію убѣждаются, насколько неосновательны эти ихъ возраженія. Многіе же могутъ при этомъ усвоить, особенно при частомъ

повтореніи бесѣдъ, и тѣ приемы, которыми слѣдуетъ пользоваться въ разговорахъ съ раскольниками о вѣрѣ.

Но говорятъ: „присутствіе православныхъ на публичныхъ собесѣдованіяхъ не только не полезно для нихъ, а и вредно, потому что, слушая возраженія раскольническихъ начетчиковъ, они могутъ усомниться въ чистотѣ православія“.—Въ этомъ возраженіи выводъ, очевидно, не вытекаетъ изъ посылокъ. Если инія бесѣды могутъ быть вредны, то это еще вовсе не значитъ, что онѣ вообще не нужны и не полезны. Пояснимъ это сравненіемъ. Человѣкъ весьма часто грѣшитъ языкомъ; но значитъ ли это, что языкъ есть нѣчто, не только не нужное человѣку, а даже и вредное для него? Вреденъ не языкъ, а только злоупотребленіе этимъ величайшимъ даромъ Божиимъ. Сказанное приложимо и къ публичнымъ бесѣдамъ съ раскольниками. Бесѣды вмѣсто пользы могутъ принести православнымъ слушателямъ вредъ, во первыхъ, тогда, когда бесѣда ведется настолько неумѣло, что возраженія начетчиковъ покажутся болѣе основательными, чѣмъ рѣчь миссіонера не только предубѣжденнымъ противъ него раскольникамъ, но и сочувствующимъ ему православнымъ, что, конечно, нежелательно; во-вторыхъ, подобный печальный исходъ можетъ постигнуть собесѣдованія и въ томъ случаѣ, если они ведутся въ извѣстной мѣстности рѣдко, отрывочно и не сопровождаются частными бесѣдами мѣстнаго священника съ прихожанами и раскольниками. Всякая публичная бесѣда дѣйствуетъ и на раскольниковъ, и на православныхъ возбуждающимъ образомъ и всегда порождаетъ множество частныхъ бесѣдъ между раскольниками и православными. Вотъ на этихъ-то частныхъ бесѣдахъ, особенно важныхъ потому, что онѣ ведутся горячо и съ увлеченіемъ, раскольники и могутъ взять перевѣсъ надъ православными и обратить бесѣду въ свою пользу, если мѣстный священникъ не воспользуется ими самъ, чтобы своими разъясненіями укрѣпить и пополнить то, о чемъ говорилось на публичной бесѣдѣ. Побѣда раскольниковъ надъ православными

въ данномъ случаѣ тѣмъ возможнѣе, чѣмъ раскольники данной мѣстности окажутся опытнѣе и сильнѣе въ спорѣ сравнительно съ православными.—Итакъ, публичныя бесѣды дѣйствительно иногда вмѣсто пользы могутъ приносить вредъ,—когда онѣ или ведутся неумѣло, или приходскій священникъ допустить, чтобы плодами ихъ воспользовались раскольники; но выводъ отсюда не тотъ, что онѣ не нужны или вредны, а только тотъ, что неопытному, не увѣренному въ себѣ священнику за нихъ нельзя браться, и что, разъ въ извѣстной мѣстности начаты бесѣды, онѣ должны вестись постоянно и поддерживаться частными бесѣдами, вѣбогослужебными чтеніями и противораскольническими проповѣдями.

Говорятъ также: „публичныя бесѣды не могутъ быть полезны потому, что это—скорѣе любопытныя словопренія, чѣмъ поучительныя бесѣды. Собесѣдникъ - раскольникъ на этихъ бесѣдахъ преслѣдуетъ одну цѣль—чтобы посрамить противника въ глазахъ слушателей—раскольниковъ и особенно православныхъ и тѣмъ возвысить достоинство не столько защищаемой имъ *старой вѣры*, сколько свой личный; объ открытіи же истины, о правотѣ дѣла онъ мало заботится“.—Все это совершенно вѣрно, но нисколько не доказываетъ, что публичныя собесѣдованія не нужны. Странно было бы ожидать, чтобы раскольническіе совопросники преслѣдовали на бесѣдѣ какія-либо иныя цѣли, кромѣ указанныхъ выше, особенно въ настоящее время, когда бесѣды являются дѣломъ еще сравнительно недавнимъ. Тѣ раскольники, которые ищутъ истины, рѣдко вступаютъ въ пренія, а по большей части молча внимательно вслушиваются въ то, что говорятъ совопросники. Но, съ одной стороны, эти именно безмолвные слушатели и должны обращать на себя главное вниманіе миссіонера, а никакъ не начетчики, убѣдить которыхъ трудно, потому что они думаютъ и стараются только о томъ, чтобы „препреть“ своего противника; а съ другой—развѣ бесѣдой руководить раскольническій начетчикъ, а не православный миссіонеръ? И развѣ, если раскольническій начетчикъ

имѣть свою цѣлью низвести публичное собесѣдованіе на степень бесполезнаго словопренія, такова же должна быть задача и православнаго миссіонера?—Тѣ миссіонеры, которые такъ понимаютъ и ставятъ дѣло, смотря на него крайне ошибочно. Цѣль, которую долженъ преслѣдовать всякій миссіонеръ во время бесѣды, главнымъ образомъ *не полемическая, а педагогическая*, та же, что и обыкновенной проповѣди, обращенной только не къ однимъ православнымъ слушателямъ, но и къ раскольникамъ, и притомъ имѣющей не монологическую, а діалогическую форму. Являясь куда-нибудь на бесѣду, православный миссіонеръ долженъ имѣть одно въ виду—что предъ нимъ находятся слушатели, „сѣдящіе во тмѣ и сѣни смертной“; что ихъ нужно просвѣтить и вразумить; что эти слушатели подобны малымъ дѣтямъ, которымъ извѣстную истину, для полнаго ея воспріятія, необходимо предложить въ самой простой и доступной формѣ, не жалѣя труда и снисходя къ ихъ неразвитости;—однимъ словомъ, миссіонеръ долженъ явиться къ раскольникамъ терпѣливымъ и снисходительнымъ учителемъ. Всякая иная постановка миссіонерскихъ бесѣдъ была бы не согласна ни съ достоинствомъ Православной Церкви и ея служителей, которымъ унижительно становиться на одну доску съ самочинными раскольниками-попами и наставниками, ни съ тѣми цѣлями, которыя должны преслѣдоваться въ борьбѣ съ расколомъ. Если мы желаемъ *просвѣтить* раскольниковъ, то и должны *просвѣщать* ихъ, а не спорить съ ними. Говоря такъ, мы въ то же время не думаемъ утверждать, что миссіонеръ долженъ уклоняться отъ вопросовъ, которые ему предлагали бы раскольническіе начетчики. Выслушивать возраженія раскольниковъ и отвѣчать на нихъ необходимо. Не нужно только терять изъ виду конечной цѣли бесѣды—вразумленія; не нужно увлекаться возраженіями и въ нихъ полагать сущность дѣла; не слѣдуетъ самому напрашиваться на нихъ, а отвѣчать только на то, что будутъ говорить раскольники.

Говорятъ затѣмъ: „бесѣды бесполезны потому, что во время ихъ раскольники всегда бываютъ враждебно настроены противъ миссіонера, который выводитъ на позоръ ихъ *древнее благочестіе*, и потому—естественно—не способны къ воспріятію истины“.—Дѣйствительно, въ православномъ священникѣ, особенно до полного ознакомленія съ его личностью, раскольники всегда склонны видѣть врага своей *вѣры*, слугу антихриста, посланнаго уловлять души исповѣдующихъ „истинное православіе“. Но думать, что эта ненависть не можетъ быть побѣждена, и что она доказываетъ ненужность публичныхъ бесѣдъ, было бы ошибочно. Наоборотъ, чѣмъ сильнѣе въ извѣстной мѣстности ненависть раскольниковъ противъ православія, тѣмъ большая необходимость является тамъ въ уничтоженіи ея и въ развитіи въ раскольникахъ духа мира и безпристрастія по отношенію къ Православной Церкви. Средства же для этого положительно въ рукахъ миссіонера. Если онъ самъ проникнуть по отношенію къ раскольникамъ ненавистью и злобой и заботится не о томъ, чтобы научить и вразумить ихъ, а только о томъ, чтобы „вывести на позоръ ихъ древнее благочестіе“, то онъ пожнетъ и плоды такого своего настроенія. Рѣзкими обличеніями и укорами онъ, конечно, расчиститъ широкое поле для разнаго рода уколовъ со стороны раскольниковъ, такіе уколы поведутъ за собой раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, и чѣмъ чаще въ подобномъ духѣ будутъ идти бесѣды, тѣмъ сильнѣе будетъ разгораться и вражда. Если же бесѣда будетъ имѣть указанный нами выше мирный характеръ, если она будетъ проникнута духомъ любви и кротости, то и плоды будутъ совершенно противоположные, т. е., чѣмъ чаще въ извѣстной мѣстности будутъ производиться собесѣдованія, тѣмъ больше и больше будутъ ослабѣвать ненависть и недовѣріе со стороны раскольниковъ, и тѣмъ больше и больше число ихъ будетъ смотрѣть на бесѣду не какъ на средство „вывести на позоръ древнее благочестіе, а какъ на слово любви, хотя, можетъ быть, съ ихъ точки зрѣнія и ошибочное, но

зато искреннее. Мы лично убѣдились, что самыя рѣзкія обличенія раскола, находящіяся въ старопечатныхъ книгахъ, не возбуждаютъ ненависти, если они предложены слушателямъ безъ укоризны и въ мягкой формѣ.

Говорятъ еще: „на публичныхъ бесѣдахъ раскольники всегда стараются раздражить миссіонера, а послѣдній въ раздраженномъ состояніи можетъ допустить промахи, роняющіе и его, и православіе“.—Все это возможно и бываетъ. Начетчики въ своихъ видахъ нерѣдко прибѣгаютъ къ такому приему. Личныя оскорбленія при этомъ вынести, конечно, не трудно, хулы же противъ Церкви дѣйствительно производятъ удручающее впечатлѣніе. Но, по нашему мнѣнію, и тутъ исправленіе дѣла положительно въ рукахъ миссіонера. Если онъ сразу покажетъ раскольникамъ, что на него подобныя оскорбленія не дѣйствуютъ, то раскольники скоро это поймутъ, устыдятся своего поведенія и даже сами станутъ укорять обидчиковъ за ихъ неумѣстное поведеніе.

Сдѣлаемъ изъ сказаннаго общіе выводы. 1) Публичныя собесѣдованія съ раскольниками не только не вредны, не бесполезны и не излишни, но и необходимы для ознакомленія раскольниковъ съ ученіемъ Православной Церкви, уменьшенія ихъ фанатизма, ослабленія вреднаго вліянія вожаковъ раскола, укрѣпленія православныхъ и проч.; въ мѣстностяхъ же со сплоченнымъ раскольническимъ населеніемъ, гдѣ дѣйствовать частными бесѣдами не мыслимо, онѣ являются единственнымъ подспорьемъ для церковно-приходскихъ школъ. 2) Указанные выше результаты возможны лишь тогда, когда публичныя собесѣдованія ставятся правильно, т. е., имѣютъ характеръ проповѣди о чистотѣ православнаго ученія, а не запальчивый и бранчивый характеръ, лишающій ихъ самаго названія собесѣдованій и приравнивающій къ крестьянскимъ сходкамъ. 3) Публичныя бесѣды должны вестись по возможности чаще и поддерживаться частными бесѣдами и противораскольническими проповѣдями. 4) Миссіонеръ, выступающій на публичное собесѣдованіе, необходимо долженъ обладать

слѣдующими качествами: онъ долженъ быть основательно знакомъ съ заблужденіями раскола, имѣть извѣстный даръ слова, находчивость, самообладаніе, терпѣвіе (но не слабость), вѣжливость и—самое главное—искреннее желаніе принести пользу слушателямъ, любовь къ нимъ, которая, по апостолу, „все созидаетъ“, а потому иной разъ можетъ восполнить отсутствіе другихъ достоинствъ въ миссіонерѣ.

Такимъ образомъ, веденіе публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками—дѣло не только важное, но и въ высшей степени трудное и отвѣтственное, отъ правильной постановки котораго можетъ быть громадная польза, а отъ неправильной—соотвѣтствующій вредъ. Поэтому, приходскій священникъ, особенно молодой и малоопытный, не долженъ приступать къ нимъ, не увѣрившись прежде, что онъ можетъ вести дѣло, какъ слѣдуетъ, и не подготовивши себя къ нему надлежащимъ образомъ. Постараемся же приблизительно намѣтить ту программу, которую предварительно долженъ выполнить священникъ, желающій вести публичныя бесѣды съ раскольниками. Первый шагъ такого священника долженъ состоять, конечно, въ ознакомленіи съ духовными нуждами своихъ прихожанъ; начать свою миссіонерскую дѣятельность онъ долженъ съ огражденія православныхъ отъ вреднаго вліянія раскольниковъ, для чего лучшимъ и наиболѣе пригоднымъ способомъ является церковная проповѣдь и внѣбогослужебныя собесѣдованія съ прихожанами. Начавшись съ положительнаго разъясненія истинъ православнаго вѣроученія, примѣнительно къ общему состоянію раскола, безъ различія его отдѣльныхъ толковъ, эта проповѣдь, по мѣрѣ ознакомленія священника съ мѣстными особенностями раскола, должна принимать болѣе и болѣе частный характеръ, затрогивать именно тѣ стороны, которыя наиболѣе интересны и знакомы слушателямъ. По своему характеру эта проповѣдь должна отличаться, прежде всего, безпристрастіемъ: обличая и опровергая различныя положенія раскольнической догматики или нравственнаго ученія, священникъ не долженъ пред-

ставлять дѣла въ преувеличенномъ или извращенномъ видѣ, но онъ не долженъ и смягчать того, что есть въ дѣйствительности. Не долженъ священникъ также замалчивать или искажать то хорошее, что онъ замѣтитъ у раскольниковъ, а, наоборотъ, долженъ ставить это на видъ православнымъ—съ такимъ, разумѣется, освѣщеніемъ, что всѣ добродѣтели спасаютъ только въ союзѣ съ Православною Церковію, а не внѣ ея. Наконецъ, не долженъ священникъ касаться тѣхъ частныхъ раскола, которыхъ въ данной мѣстности нѣтъ, потому что это было бы совершенно безцѣльно. Ведя дѣло указаннымъ образомъ, священникъ постепенно достигнетъ слѣдующихъ плодовъ: 1) его прихожане уже не будутъ такъ доврчивы по отношенію къ раскольникамъ, какъ это можетъ быть при безмолвіи священника; 2) въ случаѣ надобности, они будутъ знать, что каждое ихъ недоумѣніе по поводу раскола можетъ быть разъяснено священникомъ, будутъ охотно обращаться къ нему, что дастъ священнику возможность зорко слѣдить за состояніемъ раскола въ приходѣ; 3) священникъ мал-по-малу можетъ собрать вокругъ себя цѣлую дружину борцовъ противъ раскола, которые будутъ распространять то, что отъ него услышали, и такимъ образомъ явятся дѣятельными его помощниками; 4) этими чтеніями и проповѣдями священникъ удобнѣйшимъ способомъ приготовить себѣ почву для частныхъ бесѣдъ съ самими раскольниками. Но къ частнымъ домашнимъ бесѣдамъ съ раскольниками священникъ можетъ приступить не прежде, во-первыхъ, какъ основательно познакомится съ мѣстными особенностями раскола, и, во-вторыхъ, когда приобрѣтетъ ихъ расположеніе и любовь къ себѣ. Поэтому, задачею всякаго священника по прибытіи въ приходъ, населенный раскольниками, должно быть сближеніе съ ними и особенно съ ихъ главарями. Ища этого сближенія, священникъ не долженъ и вида показывать, что дѣлаетъ это съ миссіонерскими цѣлями. Встрѣчаясь со священникомъ, раскольники на первыхъ порахъ должны видѣть въ немъ только хорошаго сосѣда, хо-

зьяна, *человѣка*, но не *миссіонера*, желающаго ихъ обличить. Понятно, что чѣмъ больше будетъ такихъ встрѣчъ, тѣмъ больше явится и поводовъ къ бесѣдамъ о вѣрѣ; но священникъ самъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ начинать подобныхъ разговоровъ, не долженъ навязываться съ своими увѣщаніями, а тѣмъ болѣе—съ обличеніями. При терпѣніи это устроится само собою. Зная, что священникъ не щадитъ ихъ въ церкви, раскольники непременно сами заговорятъ о вѣрѣ. Всѣми такими случаями священникъ, конечно, долженъ пользоваться,—но пользоваться благоразумно: не кичась и не гордясь своими познаніями, не будучи рѣзкимъ, онъ въ то же время не долженъ забывать и своего пастырскаго достоинства. При этомъ онъ долженъ больше обращать вниманія на разъясненіе ученія Православной Церкви, чѣмъ на обличеніе раскола, относясь къ нему по возможности снисходительно. При такомъ веденіи дѣла раскольники не будутъ бояться и чуждаться священника и станутъ обращаться къ нему съ своими религіозными недоумѣніями не только при случайныхъ встрѣчахъ, но будутъ посѣщать и домъ его, двери котораго должны быть открыты всякому, жаждущему истины.

Когда священникъ приобрѣтетъ довѣріе прихожанъ и раскольниковъ, когда у него явится достаточный навыкъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ, и если еще ко всему онъ обладаетъ указанными выше необходимыми для миссіонера качествами, тогда только онъ можетъ подумать и о публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками, при чемъ на первыхъ порахъ необходимое содѣйствіе ему долженъ оказать епархіальный миссіонеръ, главной цѣлью дѣятельности котораго и должно быть руководство неопытными священниками. Лучше всего, конечно, если бы публичныя собесѣдованія начались не по личному почину священника, а по просьбѣ прихожанъ или же и самихъ раскольниковъ. Эти бесѣды помогли бы священнику свести къ одному все, что онъ говорилъ въ разное время, при разныхъ случаяхъ и разнымъ лицамъ. Понятно,

что въ тѣхъ случаяхъ, когда бесѣду пришлось бы вести не самому священнику, а епархіальному миссіонеру, послѣдній раньше долженъ быть хорошо ознакомленъ съ мѣстными особенностями раскола и съ наиболѣе любимыми ими возраженіями, иначе онъ можетъ обратить вниманіе не на то, что именно требуется въ данной мѣстности. Послѣ бесѣды (или ряда бесѣдъ) миссіонера священнику, въ ожиданіи его новаго приѣзда, самому лично и чрезъ своихъ помощниковъ, слѣдуетъ только продолжать то, что сдѣлано публичной бесѣдой: разяснять непонятое, дополнять пропущенное и проч.

Высказавъ вышеизложенный взглядъ на веденіе миссіонерскаго дѣла приходскимъ священникомъ, мы не станемъ увѣрять читателя, что, слѣдуя ему, онъ немедленно и легко будетъ одерживать побѣды надъ раскольниками и толпами присоединять ихъ къ Православной Церкви. Тернистъ и труденъ путь пастыря—и особенно такого, которому суждено нести миссіонерскій подвигъ. Не дни и мѣсяцы, а годы и, можетъ быть, долгіе годы придется ему вмѣсто плодовъ своей дѣятельности пожинать однѣ слезы и разочарованія; можетъ быть, только дѣти или внуки его вкусятъ сладкихъ плодовъ. Но да укрѣпляетъ такого пастыря сознаніе, что онъ былъ добросовѣстнымъ работникомъ на нивѣ Божіей, что онъ усердно подготовилъ почву, вспахалъ и посѣялъ доброе сѣмя, произрастить которое можетъ Одинъ только Богъ.

Бывшій миссіонеръ.

Благотворное вліяніе въ приходѣ образованной и христіански настроенной „матушки“ 1).

Благотворное вліяніе на приходъ „матушки“ можетъ обнаруживаться двоякимъ способомъ: чрезъ воздѣйствіе на

1) См. № 22-й за 1898 г.

своего мужа и чрезъ непосредственное участіе въ религіозно-нравственной жизни прихожанъ.

Кто не знаетъ, какую великую помощь и нравственную поддержку можетъ оказать образованная и добрая матушка своему супругу-священнику, лишенному въ деревнѣ просвѣщеннаго общества, заброшенному часто въ грубую, темную среду и вдобавокъ обреченному на разнообразныя лишенія, огорченія, иногда оскорбленія. Не встрѣчая должнаго сочувствія и поддержки для своей дѣятельности въ ближайшей помощницѣ и подругѣ жизни—матушкѣ, какъ часто многіе пастыри съ добрыми стремленіями и прекрасными задатками огрубѣваютъ, тупѣютъ и глубоко падаютъ нравственно въ темной средѣ, въ которой дѣйствуютъ. Если во всякой другой дѣятельности жены являются незамѣнимыми помощницами и совѣтницами своихъ мужей при исполненіи ими разнообразныхъ обязанностей званія, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о супругахъ пастырей Церкви. Своими практически совѣтами и сердечнымъ участіемъ въ разныхъ дѣлахъ и начинаніяхъ супруга-пастыря онѣ въ значительной степени могутъ содѣйствовать успѣшному прохожденію послѣднимъ своего служенія. Но минуя вопросъ о посредственномъ вліяніи на прихожанъ жены священника, мы постараемся намѣтить главныя стороны ея прямаго вліянія на послѣднихъ. Стороны, съ какихъ должна быть разсматриваема религіозно-просвѣтительная дѣятельность жены пастыря, опредѣляются служеніемъ самого пастыря. Первую и наиболѣе важную обязанность пастырскаго служенія составляетъ совершеніе *богослуженія*. Повидимому, къ этого рода дѣятельности пастыря Церкви менѣе всего можетъ имѣть отношенія супруга его: по правиламъ св. Церкви, совершителемъ богослуженія можетъ быть священникъ и вообще нарочито поставленное и посвященное для этого лице. Если же мы глубже всмотримся въ дѣло, то увидимъ, что и въ дѣлѣ священнослуженія пастырскаго не малую услугу можетъ оказать супругу христіански-настроенная матушка. Не личнымъ участіемъ *въ со-*

вершеніи богослуженія, на что она не имѣетъ права, а наилучшимъ содѣйствіемъ религіозно-просвѣтительнымъ задачамъ и цѣлямъ православнаго богослуженія въ отношеніи прихожанъ—вотъ чѣмъ можетъ быть полезна матушка въ приходѣ. Образованная и христіански настроенная матушка прекрасно сознаетъ, какое великое значеніе въ дѣлѣ пастырскаго служенія имѣетъ добрый примѣръ жизни не только самого пастыря, но и всѣхъ членовъ его семьи. „Vita clericorum est liber laicorum“, или что то же, „жизнь клириковъ есть книга для мірянъ“, такъ, обыкновенно, говорятъ латиняне,—и нельзя не согласиться съ жизненною правдою этого мудраго изреченія ихъ. Кому неизвѣстно, что добрый примѣръ гораздо дѣйствительнѣе самаго убѣжденнаго добраго слова 1). Высшій долгъ по этому самому обязываетъ жену священника быть образцомъ для прихожанъ въ первомъ и *самомъ видномъ дѣлѣ пастырскаго служенія—отправленія* имъ богослуженія. Съ особенною любовію и благоговѣніемъ должна она со всѣмъ семействомъ неопустительно являться въ праздники въ храмъ Божій для молитвы. Какъ отрадно видѣть, когда жена священника приходитъ въ церковь раньше всѣхъ и уходитъ послѣднею въ молитвенномъ настроеніи души, когда одежда на ней бываетъ скромная, простая, не привлекающая глазъ ни яркостію цвѣтовъ, ни вычурностію покроя. Какой прекрасный примѣръ для прихожанъ, когда матушка приходитъ въ храмъ Божій вмѣстѣ со всѣми дѣтьми и домочадцами, и когда слуги, раньше не пользовавшіеся хорошимъ мнѣніемъ, стоятъ въ церкви чинно, пристойно, относясь съ разумнымъ пониманіемъ къ тому, что происходитъ въ алтарѣ святомъ и что поютъ и читаютъ на клиросѣ. Какъ пріятно и поучительно въ то же время видѣть, когда супруга пастыря принимаетъ участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, когда она руководитъ хоромъ

1) „Praecepta docent, exempla trahunt“, говоритъ древняя мудрость.

изъ дѣтей своихъ и крестьянскихъ, а нерѣдко-мущинъ и женщинъ въ общецерковномъ пѣніи. Что такія матушки теперь уже не особенная рѣдкость, имѣются данныя и въ печати (особенно часто встрѣчаются извѣстія объ этомъ въ Епарх. Вѣдом. 1). Не только въ церкви, но и дома жена священника первая должна показывать примѣръ того, какъ слѣдуетъ достойнымъ образомъ проводить церковные праздники, въ духѣ христіанскаго ученія. Въ противовѣсъ установившемуся у мірянъ обычаю—откладывать на праздничный день всякія пирушки, пріемъ гостей, посѣщенія знакомыхъ и различныхъ мѣстъ увеселительнаго характера домъ священника не долженъ быть средоточіемъ игрищъ и веселія въ день праздничный, но всякій, входящій въ него, да почувствуетъ, что это домъ служителя Божія. Пусть двери его отворяются для ищущихъ помощи и добраго совѣта: пусть его обитатели покидаютъ его только ради дѣль благотворительности, и не только въ празднѣе, но и въ канунъ праздника. Кто другой, какъ не матушка можетъ позаботиться и о соблюденіи святости праздничнаго дня въ домѣ супруга-пастыря,—кому приличнѣе, какъ не ей взять на себя починъ и продолженіе глубоко уважительнаго отношенія къ днямъ праздничнымъ. Съ неменьшимъ уваженіемъ жена священника обязана относиться къ установленнымъ у насъ постами и прочимъ церковнымъ постановленіямъ, не только въ силу своего религіознаго настроенія, но еще и для того, чтобы не подорвать въ приходѣ вліянія своего мужа. Неуваженіе къ церковнымъ постановленіямъ со стороны семьи самого служителя Церкви, естественно, вызоветъ недоувѣріе къ нему его паствы, а также къ его совѣтамъ и по-

1) По извѣстіямъ особенно много есть такихъ женъ священниковъ въ Полтавской епархіи. Обучаясь пѣнію въ епарх. женскомъ училищѣ, онѣ сами читаютъ и поютъ на клиросѣ во главѣ ими же самими составленнаго женскаго хора.

ученіямъ. Вслѣдъ за этимъ нѣкоторые легкомысленнѣйшіе изъ прихожанъ тоже разрѣшаютъ себѣ нарушеніе поста и прежде всѣхъ, разумѣется, собственная прислуга священника, которой трудно будетъ воздержаться отъ соблазна, имѣя его всегда предъ глазами. Послѣ церкви и дома священническаго, составляющаго собою какъ бы *малую церковь* (по словамъ ап. Павла — „*домашнюю*“, Филим. ст. 2), органомъ благотворнаго вліянія жены священника на прихожанъ служитъ *церковно-приходская школа*. Теперь, когда повсюду стараются заводить церковно-приходскія школы, дѣятельность женъ священниковъ на этомъ поприщѣ можетъ оказаться какъ нельзя болѣе своевременною и полезною.

(Окончаніе будетъ).

Церковно-богослужебная терминологія.

(Объясненіе непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ церковно-богослужебныхъ книгахъ).

См. № 34-й за 1898 годъ.

Екзапостиларій. Пѣснопѣніе церковное, именуемое *екзапостиларіемъ*, поется въ нѣкоторые праздничные дни на утрени послѣ 9-й пѣсни канона и малой ектеніи, а въ недѣли—воскресенія послѣ малой ектеніи и пѣнія „Святъ Господь Богъ нашъ“; между прочимъ, полагается екзапостиларій при совершеніи таинства елеосвященія—на молебномъ пѣніи послѣ канона. *Екзапостиларій* замѣняетъ собою будничнй *свѣтиленъ*, и называется екзапостиларіемъ (отъ ἐξαποστέλλω — *высылаю, предпосылаемый*), можетъ быть, потому, что пѣснопѣніе это *предшествуетъ* разсвѣту дня и великому славословію, или потому, что содержаніемъ сего пѣснопѣнія служитъ обѣщаніе Спасителя о *ниспосланіи* Свя-

таго Духа на апостоловъ и *посланіе* самихъ апостоловъ въ міръ на проповѣдь, а также, можетъ быть, и потому, что въ древней константинопольской церкви для исполненія его пѣвецъ былъ *высылаемъ* на средину храма (Въ Типиконѣ сказано о свѣтильнѣ: „Чертогъ Твой поется посреде́ храма первѣе канонархомъ единожды“. Послѣдов. понед. Страств. седм.). Въ воскресныхъ екзапостиларіяхъ, составленныхъ императоромъ Константиномъ Богрянороднымъ, говорится о посыланіи мироносицъ къ апостоламъ и апостоловъ къ языкамъ для проповѣди о воскресеніи Христовомъ. Екзапостиларіевъ воскресныхъ въ Октоихѣ и при нихъ богородичныхъ одиннадцать, т. е., столько же, сколько утреннихъ воскресныхъ евангелій. Первый екзапостиларій соотвѣтствуетъ 1-му евангелію, второй—2-му и такъ далѣе. Екзапостиларіи воскресные имѣютъ счетъ и порядокъ при пѣніи тотъ же, какой и утреннія евангелія. Итакъ, они не слѣдуютъ восьминедѣльному кругу Октоиха и поэтому напечатаны въ Октоихѣ отдѣльно, въ концѣ. Они не имѣютъ и подписи о гласахъ, потому что поются на тотъ гласъ, на который поется все возслѣдованіе Октоиха. Отсюда выраженія богослужбныхъ книгъ, напр. „поемъ по гласу екзапостиларій воскресень“ (Трїодъ Цвѣтная, Послѣдов. недѣли Всѣхъ Святыхъ) обозначаетъ, что екзапостиларій поется на тотъ гласъ, на который поется все послѣдованіе того дня.

Екзапсалмы. Слово „екзапсалмы“ (отъ ἕξ — шесть и ψαλμος — псаломъ) обозначаетъ шестопсалміе. Такъ, словомъ „екзапсалмы“ (Больш. Требн., гл. 109. Чинъ освящен. церкви.) въ богослужбныхъ книгахъ называются шесть псалмовъ, читаемыхъ на утрени (3, 37, 62, 87, 102, 142) и начинающихся словами: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ: во человѣцѣхъ благоволеніе“... Шестопсалміе есть какъ бы размышленіе съ самимъ собою человѣка, услышавшаго о рожденіи Спасителя; въ псалмахъ выражается сознаніе человѣкомъ своего грѣховнаго состоянія, изображается множество враговъ, ищущихъ погубить душу и тѣло, и надежда на

милосердіе Божіе. „Читається шестопсалміє тихимъ гласомъ и легкимъ, косо и во услышаніе всѣхъ... Егда глаголется шестопсалміе, тогда подобаеъ со вниманіемъ слушанію прилежати, покаянія бо псалмы исполнены суть и умиленія. Глаголемъ же сія псалмы со благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, яко Самому Богу невидимо бесѣдующе, и молящеся о грѣсѣхъ нашихъ“ (Типик. гл. 9). Въ послѣдованіи по недѣльника 1-й седмицы Великаго поста читаемъ: „глаголетъ шестопсалміе со всякимъ вниманіемъ, не борзяся, но со страхомъ Божіимъ, яко Самому Богу бесѣдующе невидимо, и не имать кто власти шепты творити, ниже плюнути или харкнути: но паче внимати отъ псаломника глаголемымъ, руцѣ имуще согбены къ персемъ, главы же преклонены, и очи имуще долу, сердечныма очима зряще къ востокомъ, молящеся о грѣсѣхъ нашихъ, поминающе смерть и будущую муку и жизнь вѣчную“. Во время чтенія шестопсалмія большая часть свѣчей бываетъ погашена, безъ сомнѣнія, для того, чтобы мы, не видя, могли со вниманіемъ и со страхомъ слушать читаемое, чтобы очи наши не развлекались ничѣмъ внѣшнимъ, и мы были бы обращены внутрь своей души. Въ Типиконѣ (24 гл.) замѣчено, что на утрени на „Богъ Господь подобаеъ вжигати свѣщи“.

Енколпій (ἐγκόλιον), *наперсникъ, нандренникъ* (отъ ἐν — на и κόλπος — перси, грудь, сердце) или *панакія* πᾶν-ἄγια — святая) есть небольшая икона Спасителя или Богоматери, носимая на персѣхъ, нѣдрѣхъ (груды) архіереевъ и нѣкоторыхъ архимандритовъ (именно, створопигіальныхъ монастырей). Прежде на нѣкоторыхъ епископовъ, напр., на московскихъ патріарховъ и кіевскихъ митрополитовъ возлагались два енколпія; на кіевского митрополита и нынѣ возлагаются двѣ панакіи. Въ Чиновникѣ архіерейскомъ находятся двѣ особыя молитвы для двухъ нандренниковъ. Енколпій, носимый архіереемъ на персяхъ, напоминаетъ, что архіерей постоянно долженъ имѣть въ своемъ сердцѣ Господа и Ходатаицу предъ Богомъ — Матеръ Божію, и для этого у него